

Женщина с голубыми глазами. Максим Горький gorkiymaxim.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

Женщина с голубыми глазами. Максим Горький

I
Помощник частного пристава Зосим Кириллович Подшибло, грузный и меланхоличный хохол, сидел в своей канцелярии, крутил усы и сердито таращил глаза в открытое окно на двор части. В канцелярии было сумрачно, душно и тихо, только маятник больших настенных часов, взвизгивая, отсчитывал монотонными ударами минуты. А на дворе было так заманчиво, ярко... Три берёзы среди него бросали от себя густую тень, и в ней на куче сена, недавно привезённого для пожарных лошадей, свободно раскинувшись, спал унтер-офицер Кухарин, недавно сменившийся с дежурства. Зосим Кириллович смотрел на него и злился. Подчинённый спит, а вот он, его несчастный начальник, должен торчать в этой дыре и дышать сырыми испарениями её каменных стен. И, представив себе, с каким бы удовольствием он сам растянулся отдохнуть в тени на душистом сене, если бы время и служебное положение позволило ему это, Зосим Кириллович потянулся, зевнул и ещё более обозлился. Он почувствовал непреодолимое желание разбудить Кухарина.

– Эй, ты!.. Эй... скот! Кухарин! – зычно рявкнул он.

Отворилась дверь, и в канцелярию кто-то вошёл. Подшибло смотрел в окно, не оборачиваясь назад и не чувствуя ни малейшего любопытства к тому, кто вошёл, стоит сзади его у двери и заставляет скрипеть половицы под своей тяжестью. Кухарин не повернулся от его окрика. Закинув руки под голову и вздёрнув бороду в небо, он спал, и Зосиму Кирилловичу казалось, что он слышит сочный храп подчинённого, этакий насмешливый, вкусный храп, возбуждающий ещё более желание отдыха и злобу на невозможность предаться ему. И Подшибло захотелось сойти вниз, чтоб дать хорошего пинка ногой в выпяченный живот подчинённого, а потом взять его за бороду и вытащить из тени на солнцепёк.

– Эй, ты... дрыхни там! Слышишь?!

– Ваше-скородие, – дежурный – это я! – проговорили сзади его обольстительно сладким голосом.

Подшибло обернулся, злым взглядом смерил дежурного, таращившего на него большие тупые глаза и готового моментально устремиться куда прикажут.

– Я тебя звал?

– Никак нет!

– Спрашивал? – повысил голос Подшибло, поворачиваясь на стуле.

– Никак нет!

– Так поди же ты к чёрту, пока я тебе в башку не пустил чего-нибудь! – и он уже начал судорожно шарить левой рукой чего-нибудь на столе, а правой крепко вцепился в спинку стула, но дежурный быстро юркнул в дверь и исчез. Помощнику частного пристава показалось недостаточно почтительным это исчезновение, и ему во бы то ни стало хотелось сорвать всё сильнее вскипавшую злобу на эту духоту, службу, на спящего Кухарина, на близость ярмарочной страды и ещё на многое неприятное и тяжёлое, почему-то вспоминавшееся ему сегодня невольно, помимо его желания.

– Эй! Поди сюда... – крикнул он в дверь. Дежурный вошёл и вытянулся у двери с лицом испуганным и ожидающим.

– М-морда! – угрюмо адресовался к нему Подшибло. – Ступай на двор, разбуди Кухарина и скажи ему, чтоб он, осёл, не смел дрыхнуть среди двора. Безобразие... Ну... ступай...

– Слушаю! Там дама до вас...

– Что?!

Женщина с голубыми глазами. Максим Горький gorkiymaxim.ru

- Дама...
- Какая?
- Высокая...
- Дурак! Чего ей?
- До вас...
- Спроси, пошёл...
- Я спрашивал... Не сказывает... Мне, говорит, самого их благородие...
- О, чёрт их! Зови... Молодая?
- Так точно...
- Ну зови... Ворочайся! – уже мягче приказал Подшибло, оправился и зашелестел бумагами на столе, изобразив на угрюмой физиономии строго начальническую мину.

Сзади его раздался шелест платья.

- Что вам угодно? – вполборота спросил Подшибло, критическим оком измерив посетительницу. Та молча поклонилась и медленно поплыла к столу, исподлобья поглядывая на полицейского серьёзными голубыми глазами. Одета она была просто и бедно, по-мещански, в платочке, в серой сильно поношенной накидке, концы которой она мяла длинными смуглыми пальцами маленьких красивых рук. Высокая, полная, с сильно развитым бюстом, с большим нахмуренным лбом, она была как-то особенно, не по-женски серьёзна и сурова. С виду ей можно было дать лет двадцать семь. Двигалась она так задумчиво, медленно, точно думала – не воротиться ли ей назад.

«Ишь чёрт какой... Гренадёр, – подумал Подшибло вслед за своим вопросом. – Кляузить станет...»

- Можно мне узнать у вас... – заговорила она густым контральто и остановилась, нерешительно уставив свои голубые глаза в усатое лицо полицейского чиновника.
- Садитесь, пожалуйста... Что, собственно, вам нужно узнать? – официальным тоном спросил Подшибло, продолжая думать про себя: «Экая ядрёная женщина! Хе!»
- Насчёт книжек... – договорила женщина.
- Квартирных?
- Нет, не этих...
- А каких?
- Вот тех, которые... по которым... женщины гуляют... – спуталась женщина и вдруг покраснела.
- То есть это как?... Какие женщины гуляют?... – спросил Зосим Кириллович, поднимая брови и игриво улыбаясь.
- Разные женщины... которые гуляют, ночные...
- Те-те-те! Проститутки? – приятно осклабился Зосим Кириллович.
- Да! Вот они. – И, глубоко вздохнув, дама тоже улыбнулась, точно ей стало легче, когда она услышала это слово.
- Ага! Ну-с? Н-да? Так что же-с? – начал спрашивать Зосим Кириллович, чувствуя что-то очень интересное и пикантное впереди.
- Так вот, насчёт этих книжек я пришла, – проговорила женщина и опустилась на стул, вздыхая и как-то странно встряхнув головой, точно её ударили.

Женщина с голубыми глазами. Максим Горький gorkiymaxim.ru

– Ну-с... Заведеньишко открываете? Так...

– Нет, я для себя... – И женщина низко опустила голову.

– Ага... А где же старая книжка у вас?.. – спросил Зосим Кириллович и, пододвинув свой стул поближе к посетительнице, простёр свою руку к её талии и оглянулся на дверь.

– Какая? У меня не было... – вскинула та на него глазами, но не сделала ни одного движения, чтоб уклониться от его руки...

– Тайно промышляли, значит? Незарегистрированно? Бывает! Желаете быть на счету? Это хорошо... безопаснее, – становясь смелее в своих поползновениях, ободрил её Зосим Кириллович.

– Да я ещё впервой... – окнула дама и смущённо опустила глаза вниз...

– То есть как впервой? Не понимаю, – повёл плечами Подшибло...

– Только ещё хочу... Первый раз. На ярмарку приехала, – объясняла дама тихим голосом и не подымая глаз.

– Вот оно что! – Зосим Кириллович, отняв руку от её талии, отодвинул свой стул и несколько смущённо откинулся на его спинку.

Помолчали...

– Вот оно как... Да... это вы... что же? Нехорошо ведь... Трудно... То есть, конечно...

Но всё-таки... странно! Я, признаться, не понимаю... как это вы решаетесь. Если, действительно, правда...

Опытный полицейский, он видел, что действительно – правда: она была слишком свежа и порядочна для женщин известной профессии. У ней не было тех характерных признаков продажности, которые необходимо отпечатлеваются на женской физиономии и жестах даже после ничтожной практики.

– Ей-богу, правда! – вдруг доверчиво склонилась она к нему. – На такое поганое дело иду – и стану я врать. Чего уж? Просто надо вести дело. Видите что – вдова я. Овдовела – муж-от лоцман, утонул в апреле в ледоход. Дети у меня, двое, – сын девяти годов да дочь семи.

Достатков-то нету. Родных тоже. Сирота я взята была. А его, покойниковы, родные далече. Да и нелюбимая я ими... Как они достаточные, а я вроде нищей пред ними. Толкнуться-то некуда.

Работать бы, конечно. Да много денег надо мне, не выработаешь с эстоль. В гимназии сын-то.

Конечно бы хлопотать, чтобы без платы, но куда же мне, бабе? А сын-то, мальчонка... такой, знаете, умница... Жалко отрывать-то от ученья... Тоже и дочь... и ей чего ни то надо дать. А работой-то такой, ежели честной... много ли её? Да и сколько добудешь? И чего работать опять же? Кухарка ежели... то, конечно... пять рублей в месяц... Не хватит! Никак не хватит! А на этом деле – ежели кому счастье – сразу можно окормиться на год. Прошлую ярмарку наша же одна женщина четырёста с лишком схватила! Теперь за лесника вышла с деньгами-то, и барыня себе.

Живёт... А ежели стыд... конечно, зазорно... Но только... и то ведь рассудите... Судьба, значит... Всегда уж судьба. Пришло вот мне на ум такое дело – так, значит, и надо – указание это мне от судьбы... И удастся оно – хорошо... не удастся, а только муку да позор приму... тоже судьба. Да...

Подшибло слушал её и понимал всё до слова, ибо у неё говорило всё лицо. Было в нём сначала что-то испуганное, а потом оно стало просто, сухо и решительно.

Зосиму Кирилловичу сделалось скверно и чего-то боязно.

«Попадись такой ведьме в руки дурак... всю кожу она с него сдерёт и всё мясо до

Женщина с голубыми глазами. Максим Горький gorkiyamax.ru костей снимет», – формулировал он свой страх и, когда она кончила, сухо заговорил:

– Я-с тут ничего не могу. Обратитесь к полицеймейстеру. Это полицеймейстера дело и дело врачебной инспекции. А я ничего не могу...

И ему захотелось, чтоб она ушла скорее. Она тотчас же поднялась со стула, наклонилась и медленно пошла к двери. Зосим Кириллович, плотно сжав губы и сощурив глаза, смотрел ей вслед, и ему хотелось плюнуть ей в спину...

– Так к полицеймейстеру мне, говорите? – дойдя до двери, оборотилась она... Её голубые глаза смотрели решительно и невозмутимо. А поперёк лба легла суровая, глубокая складка.

– Да, да! – торопливо ответил Подшибло.

– Прощайте! Спасибо вам! – И она ушла.

Зосим Кириллович облокотился на стол и минут десять сидел, насвистывая что-то про себя.

– Экая скотина, а? – вслух произнёс он, не поднимая головы. – Тоже – дети! Какие тут дети? Х-ха! Этакая гадина!

И опять долго молчал...

– Но и жизнь тоже... если всё это правда. Верёвки вьёт из человека, можно сказать...

Н-да... Сердито обращается.

И, ещё помолчав, резюмировал всю работу своей мысли тяжёлым вздохом, решительным плевком и энергичным восклицанием:

– А и погано ж!

– Что прикажете? – вернулся в дверь дежурный чин. – А?

– Что прикажете, ваше-скородие?..

– Пошёл во-он!

– Слушаю-с.

– Осёл! – пробормотал Подшибло и взглянул в окно...

Кухарин всё спал ещё на сене... очевидно, дежурный забыл разбудить его...

Но Зосим Кириллович забыл о своём гневе, и вид свободно развалившегося солдата не возмутил его нимало. Он чувствовал себя испуганным чем-то. Пред ним в воздухе стояли голубые, спокойные глаза женщины и решительно смотрели ему прямо в лицо. Он чувствовал тяжесть на сердце от их упорного взгляда и некоторую неловкость...

Взглянув на часы, он поправил портупею и пошёл вон из канцелярии, глухо проговорив:

– Чай, встретимся еще... Наверное уж.

II

И действительно, встретились.

Как-то раз вечером, стоя в наряде у Главного дома, Подшибло заметил её шагах в пяти от себя. Она двигалась по направлению к скверу своей медленной плывущей походкой, упорно глядя куда-то вперёд себя голубыми глазами, и во всей её фигуре, высокой и стройной, в движениях бюста и бёдер, в серьёзном покорном взгляде было что-то, отталкивавшее от неё; чересчур покорная, фатальная складка на лбу, ещё более резкая теперь, чем в первую встречу, портила её большое, полное русское лицо, делая его резким.

Женщина с голубыми глазами. Максим Горький gorķiуmaxim.ru
Зосим Кириллович покрутил ус, дал простор некоторой игривой мысли, сразу зародившейся в его уме, и решил не терять из вида эту женщину.

«Ах ты, крокодил! Подожди...» – мысленно послал он ей вслед многообещающее восклицание.

И минут через пять уже сидел с ней рядом на одной из скамеек сквера.

– Не узнаете? – улыбаясь, спросил он.

Она подняла на него глаза и спокойно смерила его ими.

– Нет, помню. Здравствуйте, – тихо, подавленным голосом сказала она, но не протянула ему руки.

– Ну что, как? Выхлопотали себе книжку?

– Вот! – И она стала шарить в кармане платья, всё с той же покорной миной.

Это несколько смутило полицейского.

– Да нет, мне не надо, не кажите, я верю. Да я и не имею права... то есть... Вы лучше расскажите, как успели? – спросил он и тотчас же подумал: «А очень мне нужно это знать! Вот уж! И чего... манерничаю? Ну-ка, Зосим, валяй прямо».

Но, несмотря на то, что он подбодрил себя этой думой, он всё-таки не решился пойти прямо. Было в ней что-то такое, что не допускало стать сразу близко к ней в известные отношения.

– Успехи-то? Ничего, слава... – и она, не договорив, оборвала речь и густо покраснела.

– Ну вот и хорошо. И поздравляю... Трудно с непривычки? а?

Она вдруг всем корпусом двинулась к нему, лицо у неё побледнело, исказилось, рот как-то округлился, точно она хотела крикнуть, и вдруг снова откинулась от него, – откинулась и приняла старую позу...

– Ничего... Привыкну, – ровно и ясно сказала она и, вынув платок, громко высморкалась.

Зосим Кириллович почувствовал, что у него щемит в груди от всего этого, от её движения, от её соседства и голубых, спокойных, неподвижных глаз. Он разозлился на себя за что-то, встал и протянул ей руку, молча и сердито...

– Прощайте! – ласково сказала она...

Он кивнул ей головой и быстро пошёл прочь, зло ругая себя дураком и мальчишкой...

«Погоди, матушка! Я тебе задам феферу! Уж я тебе покажу себя. Ты у меня перестанешь корчить из себя недотрогу», – грозил он ей неизвестно за что. И всё-таки чувствовал, что ни в чём она не виновата пред ним.

А это ещё более злило его...

III

Недели полторы спустя Зосим Кириллович шёл от караван-сарая по направлению к Сибирской пристани и был остановлен визгом женщин, ругательством и иным скандальным шумом, лившимся на улицу из окна какого-то трактира.

– Полицейский! Караул! – орал задыхавшийся женский голос. Слышались какие-то страшные лязгающие удары, стучала мебель, и кто-то восхищённо, басом, покрывавшим весь шум, гудел:

– Так её! Ещё... раз! Прямо в морду. Э-эх!

Зосим Кириллович быстро вбежал вверх по лестнице, растолкал публику, столпившуюся в дверях трактирного зала, и его глазам представилась такая

Женщина с голубыми глазами. Максим Горький gorkiyamax.ru картина: перегнувшись корпусом через стол, его знакомая, женщина с голубыми глазами, ухватила левой рукой за волосы другую женщину, притянула её к себе и своей правой рукой беспощадно, частыми ударами била её по испуганному, уже вспухшему от ударов лицу.

Голубые глаза теперь были жёстко прищурены, губы плотно сжаты, от углов их к подбородку легли резкие морщины, и лицо его знакомой, – раньше так странно спокойное, теперь было беспощадно-зло зверское, – лицо человека, готового бесконечно долго истязать себе подобного и истязать с наслаждением.

Женщина, которую она била, уже только мычала, рвалась и нелепо махала по воздуху своими руками.

Зосим Кириллович ощутил в груди прилив злого чувства – дикого желания мстить кому-то и за что-то, – бросился вперёд и, схватив сзади за талию истязавшую женщину, рванул её к себе.

Опрокинулся стол, загремела разбитая посуда, публика дико завывала, загоготала.

Зосим Кириллович в каком-то опьянении видел, как в воздухе мелькали разнообразные, дикие, красные рожи, держал буянившую в своих объятиях и зло шептал ей в ухо:

– Ах ты! Буянить? Скандалить?.. Ах ты!

Избитая женщина валялась на полу в осколках разбитой посуды и, истерически взвизгивая, рыдала...

– Она, значит, вон та, говорит этой, ваше благородие, «ах ты, говорит, мразь уличная, паскудница!» А эта как её дербулызнет... Та в неё стакан с чаем и запусти, а эта – ухватила её за косы, да и давай и давай! Ну, и так, я вам скажу, била, что вчуже завидно! Силища-с! – объяснял ход скандала Зосиму Кирилловичу какой-то юркий человек в чуйке...

– Ага! Вот как?! – рычал Зосим Кириллович, всё сильнее сжимая женщину в своих объятиях и чувствуя, что ему самому хочется драться...

– Извозчик! Давай, извозчик! – ревел кто-то с красной шеей из окна на улицу, напрягая широкую спину и странно выгибая её.

– Ну, иди... На гауптвахту! Марш!.. Обе! Ты! Вставай... А ты где был? Ты к чему приставлен? Р-рожа! Вези на гауптвахту. Живо! Обеих... ну!

Бравый полицейский, подталкивая то ту, то другую женщину в спины, вывел их из зала.

– Дай-ка мне... коньяку и зельтерской, живо! – обратился Зосим Кириллович к половому и грузно опустился на стул у окна, чувствуя себя утомлённым и озлобленным на всех и на вся.

* * *

Путру она стояла перед ним такая же решительная и спокойная, как в первую встречу, – смотрела прямо в глаза ему своими голубыми глазами и ждала, когда он заговорит с ней.

А Зосим Кириллович швырял бумаги по столу, раздражённый и не выспавшийся, и, несмотря на это, не знал, с чего начать с нею. Обычные в этих случаях шаблонные пристрастия и ругательства как-то не срывались с языка, хотелось найти в себе что-то более злое и сильное и бросить ей в лицо.

– С чего у вас началось?.. Ну, говори скорее!

– Она меня обругала... – веско произнесла женщина.

– Велика важность... Скажите! – сыронизировал Подшибло.

– Она не смеет... я не чета ей.

Женщина с голубыми глазами. Максим Горький gorkiymaxim.ru

– Ах, батюшки! Кто же ты такая?..

– Я по нужде... ежели что... А она...

– Н-да?! А она из удовольствия, что ли?..

– Она?..

– Н-ну, она. Да?

– Что ж она? У неё детей нет...

– Ты вот что... ты молчи, гадина! Ты меня не мажь по губам твоими детьми... Ты иди, но знай, коли я тебя ещё раз встречу, – в двадцать четыре часа вон! С ярмарки вон! Поняла?!

Н-ну! Я вас знаю! Я тебя... награжу! Скандаль? Я те поскандалю... дрянь!

И слова, одно другого оскорбительнее, поскакали с его языка в лицо ей. Она побледнела, и её глаза сузились так же, как вчера в трактире.

– Вон! – гремел Подшибло, грохая кулаком в стол.

– Бог вам судья... – сухо и угрожающе произнесла она и быстро ушла из канцелярии.

– Я тебе покажу – судья! – ревел Зосим Кириллович. Ему нравилось оскорблять её. Его выводило из себя это спокойное лицо и прямой взгляд голубых глаз. Чего она притворяется и корчит из себя какую-то фуфыру? Дети?! Чушь. Наглость. При чём тут дети? Гулящая баба приехала на ярмарку продавать себя и ломается зачем-то... Страдалица, по нужде... дети. Кого она хочет этим надуть? Нет силы на открытый грех, она и прикрывает его нуждой. Ф-фа!

Скажите!..

IV

А они всё-таки были – мальчик, беленький и робкий, в старой затасканной гимназической форме, с подвязанными чёрной косынкой ушами, и девочка в клетчатом, не по росту большом, ватерпруфе. Они оба расположились на досках у пристани Кашина и, вздрагивая от осеннего ветра, вели между собой тихий детский разговор. Их мать стояла сзади их, прислонясь спиной к клади какого-то товара, и сверху вниз смотрела на них голубыми, ласкающими глазами.

Мальчик был похож на неё: у него глаза тоже были голубые, он часто поворачивал свою головку в картузе с надорванным козырьком назад к матери и, улыбаясь, что-то говорил ей.

Девочка была сильно ряба, востроноса, с большими серыми глазами, сверкавшими живо и умно.

Вокруг их на досках были разложены какие-то узелки и свертки.

Был конец сентября; с утра шёл дождь, набережная была покрыта жидкой грязью, и дул ветер, холодный и сырой.

По Волге ходили мутные волны и шумно плескались о берег. Всюду стоял шум, глухой, тяжёлый, сильный... Сновали разные люди, озабоченные, стремившиеся куда-то... И на общем фоне жизни бойкой набережной улицы – группа из двоих детей и их матери, спокойно ожидавших чего-то, сразу бросалась в глаза.

Зосим Кириллович Подшибло давно заметил эту группу и хотя держался в стороне от неё, но пристально наблюдал за ней. Он видел каждое движение каждого из троих, и ему было чего-то стыдно...

С Сибирской пристани шёл кашинский пароход, через полчаса отправлявшийся вверх по Волге...

Публика стала сбиваться на дебаркадер.

Женщина с голубыми глазами. Максим Горький gorkiymaxim.ru
И женщина с голубыми глазами наклонилась к детям, выпрямилась, вся увешанная свёртками и узлами, и пошла вниз по лестнице, сзади своих детей, шедших, взяв друг друга за руки, и тоже нагруженных чем-то...

Зосим Кириллович должен был тоже идти на дебаркадер. Ему не хотелось этого, но было нужно, и через некоторое время он стоял неподалёку от кассы.

Его знакомая покупала билет. В руках её был толстый жёлтый бумажник – оттуда смотрела пачка кредиток.

– Мне бы, – говорила она, – видите ли, так нужно... Их вот, детишек, во второй класс, до Костромы нам, а я в третьем. Можно им для обоих один билет?.. Нет? А то уступите? Покорно благодарю! Дай вам бог...

И она отошла с довольным лицом. Дети вертелись около неё и, хватая её за платье, о чём-то просили... А она слушала их и улыбалась...

– Ах, батюшки, да куплю же, сказала!.. Разве жалко мне? По два? Ну... Пойдите тут.

Потом она отправилась на мостки, где торговали разной галантереей и фруктами.

И через несколько времени уже снова стояла около детей, говоря им:

– Вот тебе, Варя, мыло... Душистое! На-ка, понюхай, тебе, Петя, – вот нож... Вишь ты, помню, небойсь. А вот апельсины – целый десяток. Кушайте... не сразу только...

Пароход подошёл к пристани. Толчок. Все закачались. Женщина с детьми схватила их руками за плечи и прижала к себе, тревожно взглянув вокруг себя. Все были покойны, и она, успокоившись, засмеялась. Дети вторили ей. Положили трап, и публика хлынула на пароход.

– Стой! Куда прёшь! Осёл!.. – распорядился Зосим Кириллович, пропуская мимо себя публику и обращаясь к какому-то плотнику, сплошь увешанному пещером, пилой, топором и другими инструментами. – Чёрт! Пропусти даму и детей... Экой ты несуразный, братец мой! – добавил он уже мягче, когда дама, его знакомая с голубыми глазами, проходя мимо, улыбнулась и поклонилась ему, проходя на пароход...

... Третий свисток.

– Подбирай носовую!.. – раздалась команда с мостика. Пароход дрогнул и медленно пошёл...

Зосим Кириллович окинул глазами публику на палубе и, найдя свою знакомую, почтительно снял фуражку и поклонился ей.

Она ответила ему низким русским поклоном и стала истово креститься.

И поехала в Кострому со своими детьми.

А Зосим Кириллович, посмотрев ей вслед ещё немного, глубоко вздохнул и пошёл с дебаркадера на свой пост. Был он хмур и подавлен

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://gorkiymaxim.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!